

С точки зрения Гу Шаобая и Му Цинфэна, товары здесь были лишь пёстрыми дешёвыми безделушками, непригодными для глаз, но для деревенских жителей это было уже редким событием.

Гу Шаобай был заражён оживлённой атмосферой, настроение тоже радостно поднялось. Шёл он и вдруг почувствовал тепло в ладони — правую руку мягко взяли.

Он обернулся посмотреть: Му Цинфэн с улыбкой на губах смотрел вперёд, словно ничего не делал.

Эта улыбка очертила изящную дугу на его губах, казавшихся слишком холодными, сгладив острые контуры и обнажив скрытую мягкую и тёплую суть.

Гу Шаобай тайно вздохнул. Такой он действительно не мог заставить себя жестоко вытащить ту руку, которая уже согрелась от его тепла, поэтому притворился, что ничего не замечает, и прошёл этот отрезок дороги вместе с ним.

Когда донёсся густой аромат, Гу Шаобай словно душой вылетел. В этот момент он чувствовал, будто парит над котлом с горячими волнами, глядя, как прозрачные и нежные белые вонтоны один за другим выныривают, демонстрируя свои ослепительные формы.

Он сглотнул слюну, вернул душу на место, повернул голову и сказал:

— Ван... Господин Ван...

Вспомнив предупреждение Му Цинфэна перед выходом не раскрывать личность, он чуть не прикусил кончик языка.

— Мм? Господин Ван... — Му Цинфэн хе-хе улыбнулся, вслед за этим успокоившись. — Господин Гу третий, говори...

— Я хочу угостить тебя вонтонами, — взгляд Гу Шаобая нельзя было назвать неискренним, тон нельзя было назвать не льстивым.

Му Цинфэн нахмурился:

— Но я только что поел... — окинув взглядом предчувствие разочарования в глазах третьего господина, он добавил:

— Хотя я могу составить тебе компанию...

Гу Шаобай немедленно нашёл пустой стол и сел. Благодарность не знала границ, пока Му Цинфэн с улыбкой не посмотрел на него. Только тогда он вдруг понял, что всё это время плотно держал ту руку, так что у человека даже выступил пот.

Он покраснел и отпустил руку, безмолвно глядя на котёл с парящей водой. Ему казалось, что на огне стоит не железный котёл, а он сам.

Чашка тонкокожих больших вонтонов вместе с супом была поставлена на стол. Гу Шаобай вежливо спросил в последний раз:

— Ты правда не будешь, не хочешь попробовать?

Му Цинфэн взял единственную ложку в чашке, зачерпнул маленький вонтон, поднёс к губам и

нежно подул. Как раз когда Гу Шаобай подумал, что он снова его дразнит, он увидел, как тот протянул руку, и ложка с прельстительным запахом так без предупреждения оказалась перед его лицом.

Он тотчас пришёл в замешательство: нюхать аромат — открывать рот или не открывать? Он неловко застыл, словно глиняная статуя.

Му Цинфэн с мягким выражением лица тихо сказал:

— Ешь...

— Так... хорошо ли... — если бы Гу Шаобай не был голоден до паники, он бы давно провалился сквозь землю.

Му Цинфэн больше не говорил, только упрямо держал руку вытянутой. В короткое время шумная толпа вокруг мгновенно стала беззвучным фоном. Гу Шаобай в странной, пёстрой сцене словно плыл вверх по реке, вытянул палец и мог коснуться той нежности, которая когда-то захватила его до самозабвения.

Такая любовь была подобна одуванчику, взлетевшему на ветер; мягкий пух следовал за шагами ветра, куда бы ни шёл — всё было добровольно...

Время было бесконечно растянуто. В глубоком взгляде Му Цинфэна, подобном морю, Гу Шаобай всё же открыл рот. Сколько бы ни ставил он защиту сердца, не мог уберечься от ран, идущих изнутри.

Солнце ранней осени было исключительно ясным, вымытое водой небо — бесконечно высоким и далёким.

Двое людей словно с пониманием: один кормил, другой ел, пока чашка вонтонов не опустела, оставив полчашки мутного супа и плавающие кусочки кинзы.

Гу Шаобай онемел. Оказывается, он знает, что я не ем кинзу.

— Ты в полдень меня дразнил? — Гу Шаобай наелся, и в нём появилась уверенность.

Му Цинфэн поджал губы, не ответил, но поднял чашку и залпом выпил оставшийся суп.

Стоявший сбоку Лэн Дун буквально замёрз. Он подозревал, что у него испортились глаза, иначе как мог он увидеть сцену, которую невозможно увидеть даже во сне? Из-за этого он не смог вовремя подать чистый платок, чтобы князь мог вытереть рот. Вследствие чего князь вытянул рукав и вытер рот Гу Шаобаю, а затем тем же рукавом вытер свой.

Гу Шаобай был огорчен ещё больше. Он мягко потянул Му Цинфэна за рукав, краснея, и подмигнул ему.

Му Цинфэн только тогда обнаружил, что вокруг них стоит круг зрителей, таких же деревянных и застывших, как Лэн Дун. Князь перед лицом опасности не растерялся: встал, сложил ладони и с большим тактом улыбнулся:

— Благодарю, благодарю.

Затем, взяв Гу Шаобая за руку, он вывел его из окружения.

Гу Шаобаю совсем не хотелось гулять для переваривания пищи. Он хотел шагом войти в одеяло, свернуться там, и тогда можно было бы обмануть себя: это сон, просто сон, погладить шерстку, не страшно!

Гу Шаобай оттолкнул его руку и пошёл вперёд, не оглядываясь. Му Цинфэн сзади следовал и смеялся:

— Стыдно?

Третий господин правда постеснялся, чувствуя, что потерял лицо слишком сильно! К счастью, никто его не знал, иначе жить было бы невозможно.

Вдруг задний воротник схватил тот человек, которого он проклинал сто раз, и затем потащил к пёстрому лотку.

Гу Шаобай внимательно посмотрел: на этом лотке висели различные узлы и кисти. С первого взгляда — ничего особенного, но при внимательном рассмотрении обнаружилось, что каждый узел связан по-разному. Материалы обычные, но расцветка красивая, узоры очень оригинальны, каждая вещь — как произведение искусства.

В этот момент за пёстрым лотком повернулась молодая женщина. Выглядела она мило и приятно, фигура тонкая, единственный недостаток — под правым глазным углом было родимое пятно размером с ноготь.

Увидев клиентов, она усердно поприветствовала:

— Три господина, какой приглянулся? Цена договорная.

Гу Шаобай похвалил:

— Эти узлы действительно связаны красиво. Девушка, вы, должно быть, искусный мастер.

Женщина ответила:

— Спасибо этому маленькому господину за похвалу. Какое там искусство, только на пропитание.

Му Цинфэн вмешался:

— Метод плетения этих узлов очень необычный... — он вытянул руку и снял один, хотел что-то сказать, но остановился, окинув взглядом ту девушку. В итоге он ничего не сказал.

Он повернулся к Гу Шаобаю:

— Третий господин, мне нравится этот. Подари его мне!

Гу Шаобай закатил глаза:

— Господин Ван, у тебя своих денег нет?

Му Цинфэн улыбнулся:

— Есть, но я просто хочу, чтобы ты мне его подарил.

Гу Шаобай холодно хмыкнул, повернул голову и пошёл прочь.

Прошёл немного, повернул голову посмотреть: Му Цинфэн всё ещё стоял на месте, улыбка не изменилась, он смотрел в его направлении и вообще не двигался. То выражение явно было как у ребёнка, на лице написано: «Ты не купишь — я не уйду».

Гу Шаобай развернулся, сердито развязал кошелек. Доставая деньги, он уже горел глазами, тайно ругая его за богатство и отсутствие милосердия.

Он достал маленький кусочек серебра. Женщина с улыбкой протянула руку, чтобы принять его, как вдруг из ниоткуда вылетела грязная рука и одним движением отхватила серебро.

Гу Шаобай сильно удивился, услышав звон стали: у Лэн Дуна меч уже вышел из ножен.

Тот, кто хватал деньги, издал звук:

— Ой! При свете дня собираетесь убивать людей!

Лэн Дун гневно нахмурился, но, помня о статусе, встал с мечом поперёк сбоку от Му Цинфэна, настороженно уставившись на того человека.

Женщина поспешно закричала:

— Господин, господин, не действуйте, не действуйте! Он мой муж!

Тому мужчине было двадцать с лишним лет, высокий и крепкий. От природы он был не уродом, но намеренно косил глазами и нависал бровями, смотря на людей, так что вполне нормальные черты лица были жестоко перекручены в урода.

Он сунул тот кусочек серебра за пазуху, ещё из-под лотка вывернул маленькую деревянную шкатулку. Женщина, увидев это, тут же бросилась на него и яростно начала отбирать, в голосе уже слышались рыдания:

— Это деньги на лечение ребёнка... Ты не можешь взять, не можешь взять...

Мужчина, ругаясь и отбирая:

— Ты, вонючая баба, отпусти руки... Мне сегодня удача, не мешай старику разбогатеть...

Но слабая женщина как могла бороться с сильным мужчиной? В итоге она была толкнута на землю, а мужчина побежал. В толпе, свернув два-три раза, он и след простыл.

Гу Шаобай поспешно подошёл, чтобы помочь ей встать, и с беспокойством спросил:

— Быстро вставай, ты ещё хорошо?

Женщина рукавом вытерла слёзы и с натянутой улыбкой сказала:

— Этот господин, я ещё не дала вам сдачи. Если не... вы посмотрите на эти, есть подходящее — только берите.

Гу Шаобай указал на большой красный узел «Цветущая слива девяти дворцов» в руке Му Цинфэна:

— Сдачу не нужно, я хочу только этого.

Бедняжка! Прошу прощения у всех моих родных, сначала даю конфетку размером с рисовое зернышко!

<http://bllate.org/book/16730/1538815>